

Голова раскалывалась, словно кто-то невидимый бил по вискам молотом.

Горло саднило, холод пробирал до костей.

Фан Хуай в прежние дни редко поддавался хворям.

Горы, их чистая вода и щедрая земля взрастили его крепким - в детстве он носился по склонам, полный сил, и даже простуда обходила его стороной. А вот его питомцы, те, что жили под его заботливой рукой, - среди них был один, слабый и хворый: слепой, глухой, еле живой. Каждое утро Фан Хуай, открывая глаза, смотрел на него с тревогой, боясь, что тот не пережил ночь.

Тело его было как сталь, куда крепче, чем у Фан Цзяньго.

Так было до того дня, как месяц назад он ступил в город.

Каждая частица его существа противилась этому месту - чужому, незнакомому, далёкому от родных просторов. Но он заставлял себя, гнул свою волю, пытаясь слиться с их суетливым ритмом, с их чуждыми законами.

Непривычное громоздилось на непривычное, и в этом месиве зрело яростное, шумное неприятие - буря вод и почвы, что не принимали его.

Фан Хуай свернулся в комок, точно раненый зверёк, глаза его были плотно зажмурены, каждый вдох - тяжёлый, как камень. Кожа, белая, словно фарфор, покрылась тонкой пеленой

румянца, лоб и кончик носа блестели от пота, а тело дрожало от пронизывающего холода.

"Я хочу домой."

Он сжался ещё сильнее, ресницы трепетали, точно крылья бабочки, угодившей в бурю, и разум его погружался в бесконечные кошмары - один за другим.

"Фан Цзяньго, я хочу домой."

Кондиционер гудел, поддерживая прохладу, но даже в разгар лета холод пробирал до дрожи. Лёгкое пуховое одеяло лежало на плечах тяжёлым грузом, давило, точно могильная плита.

Смерть Фан Цзяньго осталась в прошлом больше месяца назад, но память, точно острые осколки стекла, резала его изнутри. Он стоял среди толпы, но одиночество накрывало его с головой, словно чёрная волна. Его любили, его голос звучал в сердцах многих, но в глубине души зияла пустота - и он заставлял себя идти дальше, шаг за шагом, ломая собственное сердце.

Воздух стал густым, липким, он обволакивал его, словно вода, затягивая в пучину, топя слой за слоем...

Пока чьи-то руки не обняли его.

Этот запах - влага и холодный шёпот кедра - окутал его, движения были неловкими, будто тот,

кто обнимал, делал это впервые. Человек замер, затем мягко, почти робко похлопал его по спине, провел ладонью по волосам.

- Я хочу домой, - прошептал юноша, голос его дрожал от жара, что сжигал его изнутри.

Болезнь делала его упрямым, хрупким, точно тонкий лист стекла.

- Фан Цзяньго.

Чистый голос Фан Хуая, обычно звонкий, теперь был приглушён гнусавостью.

Память унесла его назад, в те дни, когда мир казался надёжным, и тот, кого давно не стало, вновь оказался рядом.

- Фан Цзяньго, ты здесь? - спросил он снова, и в голосе его скользнула тень паники.

Тот, кто был рядом, долго молчал.

Наконец раздался тихий вздох, полный смирения:

- Я здесь.

Голос - глубокий, бархатный, холодный, как лёд, но смягчённый влажной нежностью, что окутывала его, точно тёплый туман.

Спина юноши, напряжённая, как струна, наконец обмякла.

Кто-то коснулся его лба - мягкий, неумелый поцелуй, полный осторожности. Мужчина, опустив взгляд, почувствовал, как жар прилил к ушам, и тихо, почти шёпотом повторил:

- Я всегда здесь.

- Не уйду.

- Разве что ты... сам не захочешь меня видеть.

Фан Хуай тихо промычал в ответ.

Лекарства сделали своё - измерив температуру, он ощутил, как волны сонливости накатывают на него, но сердце всё ещё билось тревожно, не давая провалиться в сон.

- Ты правда Фан Цзяньго? - сонно пробормотал он.

- ...

Лёгкий кашель, затем уклончивый ответ:

- Да.

- Спой мне песню, я хочу послушать... можно? - попросил Фан Хуай.

Тот человек замер: "....."

Он умел многое.

Но пение... пение было не его даром.

Тишина растянулась, тяжёлая, как свинец.

- М? - юноша приоткрыл глаза, и светло-янтарные зрачки, подёрнутые влажной дымкой, растерянно уставились на него.

- ...

- Что спеть? - голос мужчины дрогнул, выдавая его смятение.

Фан Хуай назвал песню.

Время текло медленно.

Наконец раздался голос - неловкий, чуть фальшивый, сбивающийся с ритма, слова путались, мелодия ускользала.

Но, о чудо, в этом несовершенном звуке Фан Хуай обрёл покой. Дыхание его выровнялось, веки сомкнулись.

Он уснул.

Объятия, пропитанные кедровым ароматом, обволакивали его, проникая в сны, унося в давно забытый зимний день.

Той зимой снег мягко ложился за окном, а Фан Цзяньго, стоя у плиты, напевал что-то простое, готовя еду. Маленький мальчик, обнимая пушистую игрушку, нежился в тёплой постели. Рыбка в аквариуме, прижавшись к стеклу, словно коснулась его лба лёгким поцелуем.

Даже время тогда было ласковым.

На следующий день - финал "Starlight".

Небо сияло ясностью.

Утро выходного дня, семь или восемь часов, город ещё дремал в мягкой тишине. Старики неспешно выгуливали собак, а работники разворачивали огромный плакат, чьи буквы кричали:

"Сегодня прикоснитесь к свету звёзд. - Финал "Starlight"."

Месяц отборов подходил к концу. Сто участников, отобранных на старте, превратились в сорок, затем в двадцать, и вот в финале их осталось лишь восемь.

Фан Хуай лидировал по очкам, но Лу Юй, второй в списке, дышал ему в спину, и разрыв был невелик.

Лу Юй некогда потерял лицо, его образ рухнул, но правила не позволяли выгнать его, и фанаты всё ещё держались за него. Потеряв толпы поклонников, его команда цеплялась за последнюю

надежду, уповая на слабость Фан Хуая в танцах. Если Лу Юй возьмёт первое, это будет триумф иного масштаба.

Сколько звёзд взлетело на вершину с титулом первого в таких шоу? Скандалы - мелочь, когда на кону слава и шум толпы.

Финал начинался вечером - прямой эфир по ТВ и на Jinjiang, но участники уже утром стекались на площадку, оттачивали движения.

Ши Фэйжань проснулся с тяжёлым предчувствием.

... Телефон Фан Хуая молчал.

Он стучал в дверь, пока пальцы не заболели, затем вызвал охрану с запасным ключом. Комната встретила его пустотой и осколками стеклянного стакана на полу.

Сердце Ши Фэйжана сжалось от ужаса - он уже представил худшее. Но тут зазвонил телефон - секретарь Е Юйюаня:

- Не беспокойтесь, господин Фан заболел. Вчера господин Е отвёз его к врачу.

- Ох, - выдохнул Ши Фэйжань, напряжение спало, но тут же вернулось. - Заболел? Это не опасно?

Секретарь замялся:

- Пока не очнулся, температура всё ещё держится.

Укол был бы лучше, но Е Юйюань боялся, что Фан Хуай дёрнется и навредит себе, так что дали только таблетки. Укол сделали позже, когда он уснул.

Жар не отступал.

Через несколько минут Ши Фэйжань повесил трубку, лицо его было мрачнее тучи.

Болезнь - это одно, но даже без неё танцы Фан Хуая... Учитель хвалил его, расписывал успехи, но Ши Фэйжань не верил. А теперь, с жаром, шансы на победу таяли, как снег под солнцем.

Выступать так - значит рисковать здоровьем.

Десять утра.

Семь финалистов, кроме Фан Хуая, уже репетировали на сцене.

Девушка выложила пост в Weibo:

[Хуай Хуай - мой милый малыш: Уууу, что делать, у Хуай Хуая жар!! На фото все семеро уже там, позвонила персоналу, мне туманно сказали, что он заболел.]

[Заболел? Малыш в порядке? qaq Это серьезно?]

[Что делать, финал же вечером!!! Я в панике, он так долго готовился!!!]

[Здоровье важнее, он и так себя изводил qaq соревнование - не главное, если ему плохо, пусть снимется.]

[Ха, притворяется, небось. Танцует отвратно, первого места не видать, вот и решил уйти красиво.]

Фанаты Фан Хуая метались в тревоге и жалости, и тут какой-то смельчак полез под горячую руку.

После прошлых атак они держали себя в руках, но терпеть не стали - язвительного наглеца разнесли в клочья, и тот затих.

Но тревога только росла.

Никто не гнался за его победой. Третий тур показал всем: танцы - его ахиллесова пята.

Но его труд сиял ярче звёзд.

Он не ныл, не жаловался. Засыпал с ложкой во рту, падал от усталости, но тянул ноги, бормотал во сне тексты, а потом улыбался фанатам: "Я в порядке".

Прогресс был мал, но он был - выстраданный, вымокший в поту.

[Я хочу, чтобы его труд заметили.]

[Он не сдаётся, даже зная, что может проиграть, он сильнее, чем вы думаете.]

[Я люблю его не за совершенство, а за то, что он достоин.]

Фан Хуай заслужил любовь.

Не талантом, а тем, какой он есть.

После третьего тура его завалили грязью. Слава пришла слишком быстро, и малейший изъян раздували до небес - зависть шептала: "Почему он, а не я?"

Боль и груз давили его.

Но он молчал. Быть его фанатом было легко - он не просил ничего, защищал их первым.

А удача отворачивалась раз за разом.

Каждый шаг - как по лезвию, словно судьба испытывала его на прочность.

[Хуай Хуай, давай!: Малыш, держись, я пытаюсь умолить организаторов перенести финал.]

[Я всегда за малыша: Хуай Хуай, выздоравливай, мы всё уладим!]

[Хуай Хуай - мой сладкий: Ретвит и пожелай ему здоровья, разыграю 10 помад MAC, молюсь за него на Weibo.]

Но финал не сдвинешь - ТВ, площадка, всё готово. Кто перенесёт ради одного больного, даже если он звезда?

Хоть зрелище бы потускнело.

Кое-кто в команде шептался: его отсутствие - к лучшему, упал бы с треском, а так проиграет достойно.

Часы тикали.

Фанаты стекались к сцене, семь участников гримировались, а Фан Хуай не появлялся.

VCR отгремел, ведущий заговорил, судьи вышли под свет софитов.

Таинственный главный судья вызвал гул в зале, первый участник шагнул на сцену, накал рос.

Фанаты Фан Хуая ждали.

В темноте они держали светящиеся таблички, упрямо напоминая:

Есть ещё один. Он трудился. Ему тоже принадлежат этот свет и овации.

Его зовут Фан Хуай.

<http://bllate.org/book/17922/1717311>